

— Не бери в голову слова Чэханя, — когда неловкая пауза затянулась, Хэ Цзюй первым нарушил молчание и повернулся к Сюэ Цяньсяню: — Сянсян, ты...

— Я и не беру, — поднял голову Сюэ Цяньсян.

Легкий ветерок шевельнул челку, открывая гладкий белый лоб. Солнечный свет заливал его безупречные, точеные черты — красота, от которой на мгновение перехватывало дыхание.

— Меня волнует другое... Зачем ты соврал Цзян Чэханю, будто мы встречаемся?

Голос его звучал ровно, без единой эмоции — точно так же, как и тогда, когда он согласился «попробовать побыть друзьями». Подобная холодность граничила с отчуждением, возводя невидимую стену, отчего у Хэ Цзюя пробежал мороз по коже.

— Мы же просто друзья.

— Сянсян... — Хэ Цзюй попытался улыбнуться. Его внешность уступала породистой красоте Цзян Чэханя, но мягкие черты придавали ему обходительный вид. Он заговорил успокаивающе, словно уговорами ласкал капризного ребенка: — Я лишь хотел получше представить тебя соседям по комнате. Это просто ярлык, ничего больше. Я ведь не собираюсь переходить границы.

— Мне это не нравится. Не говори так при Цзян Чэхане, — Сюэ Цяньсян чуть нахмурился. — Я пойду.

— Сянсян, постой...

Хэ Цзюй протянул руку, намереваясь удержать его за запястье, но Сюэ Цяньсян незаметно уклонился и, не задерживаясь, направился прочь.

Хэ Цзюй досадно опустил руку. Постояв немного и глядя вслед удаляющейся фигуре, он сжал зубы и с мрачным видом вернулся в общежитие.

Всю дорогу до своего корпуса Сюэ Цяньсян не мог выбросить из головы то, как Цзян Чэхань изогнул бровь, бросив на него смеряющий взгляд. Из-за этих мыслей он даже не заметил, как с ним кто-то поздоровался.

Цяньсян страдал легкой близорукостью, но терпеть не мог очки. К тому же, когда его лицо оставалось бесстрастным, оно казалось надменным и неприступным. Хотя многие студенты вздыхали по его невероятной внешности, заговорить с ним мало кто решался. Получив пару

раз в ответ сдержанное «незамечание», поклонники и вовсе оставляли попытки подступиться, предпочитая любоваться «цветком на недосыгаемой вершине» издали.

По натуре холодный и замкнутый, Сюэ Цяньсян никогда не открывал душу посторонним. В итоге за время учебы в институте он так и не завел близких друзей, ограничиваясь лишь шапочными знакомствами и кивками при встрече.

Во второй половине дня значились бальные танцы. Когда Сюэ Цяньсян проснулся после дневного сна, соседи по комнате уже разошлись. Приведя себя в порядок и переодевшись, он направился в хореографический зал.

В зале стайками переговаривались немногочисленные омеги; увидав Цяньсяна, они лишь робко кивнули ему. Занятие предполагало парную отработку па, и несколько альф тут же попытались пригласить его на танец, но Сюэ Цяньсян всем ответил отказом. Ему было куда комфортнее тренироваться в одиночку.

Едва занятие закончилось, он вернулся в общежитие, чтобы принять душ и сменить одежду.

Вытерев волосы, Цяньсян присел на кровать с телефоном в руках. По давно сложившейся привычке он открыл чаты и отправил видео своего танца так называемой матери и бабушке.

От матери ответа не последовало.

Зато бабушка, несмотря на преклонный возраст, орудовала смартфоном весьма ловко. Она похвалила внука за успехи и поинтересовалась, как у него дела в университете и появились ли надежные друзья.

Сюэ Цяньсян отнесся к ее расспросам со всей серьезностью. Однако, печатая фразу «у меня со всеми отличные отношения», он невольно вспомнил надменно-высокомерную физиономию Цзян Чэханя.

...Впрочем, со всеми-то со всеми, вот только этот тип с самого первого дня питал к нему стойкую неприязнь.

И за что только?

Сюэ Цяньсян искренне этого не понимал.

Пока он ломал голову над этой загадкой, телефон вибрировал. Пришло сообщение от Хэ Цзюя:

«Сянсян, давай сходим куда-нибудь поужинать?»

Цяньсян продолжал растирать полотенцем волосы; капли воды сбегали по белоснежной шее, замедляя его движения. Он напечатал:

«Кто пойдет?»

«Ся Чжицин, Линь Бэй и я».

Пробежав глазами список и не обнаружив там Цзян Чэханя, Сюэ Цяньсян на мгновение задумался, а затем отправил:

«...У вас в комнате разве не четверо живут?»

«Цзян Чэхань не пойдет, — тут же отписался Хэ Цзюй. — Он у нас цаца нежная, общепит не жалуется».

Цяньсян вздохнул и принялся набирать ответ: «Тогда я тоже, пожалуй, не...»

Но не успел он допечатать, как от Хэ Цзюя прилетело следующее:

«Хотя, если ты хочешь, чтобы он пошел, я могу попробовать его уговорить».

Сюэ Цяньсян замешкался на секунду и ответил:

«...Ладно».

Отправив сообщение, он поднялся и подошел к шкафу, чтобы выбрать одежду. Минут через десять Хэ Цзюй перезвонил, уточнил время встречи, и Цяньсян спустился на улицу ждать его перед корпусом.

Вскоре у подъезда затормозил сдержанный темный «кадиллак».

Стекло переднего пассажирского сиденья опустилось, открывая бесстрастный профиль Цзян Чэханя. Тот сидел в темных очках и даже не повернул головы, но Сюэ Цяньсян всё равно замер, ощутив внезапный укол тревоги.

Впрочем, когда Цяньсян нервничал, его лицо оставалось абсолютно непроницаемым. Он молча смотрел на Цзян Чэханя, пока из машины не вышел Хэ Цзюй и не распахнул перед ним заднюю дверцу.

— Сяньсян, осторожно, — Хэ Цзюй предупредительно прикрыл ладонью верхний край проема.

Сев в салон, Сюэ Цяньсян лишь тогда осознал, что оказался единственным омегой среди четверых альф.

Цзян Чэхань вальяжно расположился спереди, за рулем сидел Ся Чжицин, а Линь Бэй и Хэ Цзюй зажали Цяньсяна с обеих сторон. Хотя все они пользовались супрессантами, в тесном замкнутом пространстве даже еле уловимые шлейфы их феромонов сплелись в душную смесь. Сюэ Цяньсяна моментально скрутило от тошноты, а с лица сбежала краска.

— Что с тобой? Укачало? — Хэ Цзюй, ловивший каждое его движение, тут же встревожился. — Тошнит?

При этих словах хозяин машины, Цзян Чэхань, мгновенно распахнул глаза.

Сюэ Цяньсян страдал не от укачивания — его выворачивало наизнанку от альфа-феромонов. Уловив боковым зрением реакцию Цзян Чэханя, он едва заметно дёрнул уголком губ:

— Не тошнит. Можно открыть окно?

Цзян Чэхань обернулся и, прищурившись, взгляделся в его мертвенно-бледное лицо.

Секунду спустя он отрывисто бросил:

— Тормози.

Ся Чжицин за рулем аж поперхнулся:

— Принцесса, ты чего опять удумал?

«Принцесса? — промелькнуло в голове у Сюэ Цяньсяна совсем не к месту. — Называть альфу принцессой? Какое специфическое прозвище».

— К обочине прижмись, — нетерпеливо рявкнул Цзян Чэхань, не заметив чужой задумчивости.

Ся Чжицину ничего не оставалось, кроме как затормозить у тротуара.

Цзян Чэхань выбрался из салона, подошел к задней двери, распахнул ее и уставился на Сюэ Цяньсяна сверху вниз:

— Вылезай.

Цяньсян застыл на месте. Он все еще переваривал услышанное прозвище и не сразу сообразил, чего от него хотят.

Хэ Цзюй тут же привстал, настороженно глядя на сожителя:

— Ты что, решил бросить Сяньсяна прямо на дороге?

Цзян Чэхань тяжело и глубоко вздохнул — так, будто искренне поражался, как вообще человеческий слух способен воспринимать подобную ахинею.

Пауза затянулась. Не обращая внимания на попытки Хэ Цзюя его удержать, Сюэ Цяньсян послушно выбрался наружу.

Однако вопреки опасениям, Цзян Чэхань вовсе не собирался бросать его на мостовой.

— Садись вперед, — буркнул он, прижимая ладонь к занявшему желудку, и строго предостерег: — Только попробуй испачкать мне салон.

— Понял, — спустя паузу тихо откликнулся Сюэ Цяньсян. — Спасибо... принцесса.

— Заткнись.

Если бы не страх за чистую обивку любимого автомобиля, Цзян Чэхань в жизни не уступил бы переднее кресло!

В итоге оскорбленный в лучших чувствах «принцесса» вынужден был ютиться сзади вместе с двумя другими альфами. Всю дорогу он просидел молча, сжав губы в узкую линию и зажмурившись под солнцезащитными очками — любой дурак понял бы, что парень в бешенстве.

Кое-как добравшись до места, Цзян Чэхань обнаружил, что они приехали в ресторан корейского барбекю.

Жареное мясо он терпеть не мог — его раздражал едкий дым, а еще больше — необходимость самому возиться у жаровни.

— Я схожу за закусками и напитками, — бросил Ся Чжицин, сгрузив сумку на диванчик, и испарился.

Хэ Цзюй с Линь Бэем, прихватив тарелки, тоже потянулись к витрине с полуфабрикатами. Цзян Чэхань остался сидеть за столом: казалось, его пятая точка прикипела к стулу намертво и подниматься он не собирался принципиально.

Сюэ Цяньсян поглядел на своего визави, поджал губы и спросил:

— Тебе что взять?

— Без разницы, — отрезал тот.

Сюэ Цяньсян смерил его молчаливым взглядом, поднялся и тоже отправился к шведскому столу.

Вскоре он вернулся вместе с Хэ Цзюем и Линь Бэем. Официант застелил жаровню пергаментом, и парни принялись раскладывать вырезку.

Раздалось аппетитное шкворчание жира. Чтобы удобнее было переворачивать кусочки, Сюэ Цяньсян подался вперед. При этом движении обнажились его тонкие белые запястья и изящная ключица, на которой покачивался перламутровый кулон.

Он не проронил ни слова и не делал никаких кокетливых жестов, но все присутствующие альфы (за исключением, разумеется, Цзян Чэханя) буквально заворуженно уставились на него.

Надо же — недостижимый идеал, а промышляет такими хозяйственными вещами!

От этой мысли парни ни с того ни с сего пришли в оживление. Ся Чжицин и Линь Бэй переглянулись; несмотря на присутствие Хэ Цзюя, они не могли сдержать масляных улыбок, словно только что совершили величайшее географическое открытие.

— Бекон почти готов, — не замечая, как Хэ Цзюй откровенно пялится ему чуть ниже ключиц, Цяньсян поднял голову. Подхватив щипцами румяный ломтик, он спросил: — Кто проголодался?

Ся Чжицин подмигнул и с хитрой ухмылкой заявил:

— Не-е, братуха, ты давай сперва своему благоверному отдай. Кто ж посмеет у Хэ-ге изо рта кусок вырывать!

Сюэ Цяньсян застыл и строго нахмурился:

— Я никому не сноха и тем более не жена.

— Да ладно тебе, вы же официально задекларировали! — вставил Линь Бэй. — Мы уже все в курсе, нечего скромничать.

— Какая еще декларация? — Сюэ Цяньсян не заглядывал на «Стену признаний» и понятия не имел о вирусившемся посте с тысячей лайков, а потому совершенно не понял, к чему тот клонит. — О чем ты вообще?

— Ну, в смысле... — начал было Линь Бэй, но тут под столом кто-то с силой влепил ему по ноге.

— Сам пожарил — сам решает, кого угощать. Вас забыл спросить, — подал голос Цзян Чэхань. Из-за голода его желудок сводило тупой болью, так что он был в отвратительном расположении духа и цедил слова, даже не поднимая глаз от пиалы с холодными закусками. — Ешьте давайте, развели тут трепотню.

Принцесса изволил выразить недовольство. Линь Бэй сокрушенно поджал губы, почесал нос и заглох, уткнувшись в жаровню.

За столом воцарилась неловкая тишина.

Спустя пару мгновений Хэ Цзюй как будто опомнился, повернулся к Сюэ Цяньсяну и попытался сгладить углы:

— Сянсян... Ты не принимай близко к сердцу, у Чэханя всегда скверный характер, это он не на тебя агрится.

Цзян Чэхань метнул на него ленивый взгляд, раздраженно цыкнул и снова уткнулся в тарелку.

Вообще-то он терпеть не мог шумные сборища. Но когда в комнате Ся Чжицин проболтался, будто они собираются после ужина потащить Сюэ Цяньсяна в караоке до полуночи, Цзян Чэхань поразмыслил и решил поехать с ними.

С другой стороны, какая ему разница? Пусть Сюэ Цяньсян — омега в компании альф, пусть он хоть на всю ночь останется у Хэ Цзюя, это их личное дело. Он и так невзлюбил этого парня с первого взгляда, так с какого перепугу его должно волновать чужое поведение?..

Дзинь.

Лязг металлического пинцета о фарфор заставил Цзян Чэханя очнуться.

Он поднял взгляд. Рука, прижатая к животу, не спасала от ноющей боли, зато в тарелке прямо перед ним уже дымился свежееобжаренный бекон и аппетитная сочная креветка.

...Которые только что выложил Сюэ Цяньсян.

Цзян Чэхань едва заметно удивленно распахнул узкие миндалевидные глаза. На секунду на его породистом лице мелькнуло такое детское недоумение, что парень стал похож на озадаченного полосатого кота.

— Настоящей принцессе дурной нрав вполне простителен, — Сюэ Цяньсян слегка заговорщически подмигнул ему и мягко улыбнулся: — Раз желудок болит, поешь сначала.

<http://bllate.org/book/19661/1993256>